

ранее пожалованные Кутузову, были приобретены казной. Вдова полководца осталась без достаточных средств к существованию, уповая лишь на пожалованную ей пенсию.

Между тем тяжесть огромной ответственности Кутузова давала себя знать. В письмах Михаила Илларионовича в Петербург все более чувствовалась усталость: «А я все скитаюсь, окружен дымом, который называют славою. Но к чему постороннему не сделаешься равнодушным! Я только тогда щастлив, когда думаю о своем семействе». И далее: «...Покой мне нужен, я устал, как давно мне не было покою».

В апреле 1813 года по Петербургу поползли слухи о тяжелой болезни полководца. Достигли они и дома Кутузовых. Екатерина Ильинична и дочери ее были в отчаянии.

Правда, вскоре от Михаила Илларионовича пришло письмо, но опасений за жизнь его оно не рассеяло. «Я тебе, друг мой, пишу в первый раз чужою рукою, чему ты удивишься, а может быть, и испугаешься. Болезнь такого рода, что в правой руке отнялась чувствительность перстов», — говорилось в нем.

Затем слухи пошли самые противоречивые. Одни утверждали, что жизнь Кутузова якобы оборвалась, другие уверяли, что этого не могло быть, поскольку доподлинно известно об отдаваемых главнокомандующим приказах войскам.

«Несколько дней уже другого занятия в городе нет, как с утра до вечера друг другу посылают записки, ездят, ходят, чтобы узнать, каков князь, — писала находившемуся в свите императора государственному секретарю А. С. Шишкову его жена. — Вчера я видела княгиню¹, она очень жалка... Надеется, страшится и, кажется, сама видит, что к пустым утешениям прибегает. Дети все плачут чрезвычайно, и особливо Толстая (дочь Михаила Илларионовича)».

Что же происходило в эти дни с Кутузовым?

¹ Екатерину Ильиничну.

Известно, что, преследуя врага, русская армия в апреле 1813 года вошла в Силезию. Авангард генерал-лейтенанта Ф. Ф. Винценгероде и гвардия 4 апреля вступили в город Бунцлау¹. Вместе с войсками туда же прибыли Кутузов и свита Александра I. Под штаб-квартиру главнокомандующего был выбран двухэтажный особняк майора фон дер Марка, что на углу Николаевской и Замковой улиц.

5 апреля главнокомандующий выехал на совещание русского и прусского монархов в город Гейнау. Приехав, он остановился в доме неподалеку от монаршей резиденции. Весть о появлении Кутузова моментально облетела город. Направляясь на совещание, фельдмаршал был приятно поражен огромным стечением народа, горячо приветствовавшего его. Будучи человеком отзывчивым на добрые чувства, Михаил Илларионович обратился к собравшимся с речью. По-видимому, здесь, легко одетый (несмотря на сырую с дождем и снегом погоду), он и простудился. Уже в перерыве совещания фельдмаршал почувствовал недомогание. Отправляясь в обратный путь в открытых дрожках, он еще сильнее простыл.

Вернувшись в Бунцлау, почувствовав себя нездоровым, от ужина отказался, что очень удивило приближенных: несмотря на свои лета, фельдмаршал отличался «крепостью телесных сил и присутствием духа. Способность к понесению трудов воинских и всегдашняя бодрость не покидали его».

Хотя на другой день состояние его не улучшилось, Михаил Илларионович продолжал оставаться на ногах. После приема лекарств 7 апреля он почувствовал себя несколько лучше и собирался переезжать совместно с главной квартирой в Дрезден, однако в самый последний момент решил задержаться еще на несколько дней до полного выздоровления. Но 20 апреля Кутузов почувствовал себя хуже. Болезнь настолько обострилась, что он окончательно слег.

Находясь в тяжелом состоянии, главнокомандующий продолжал руководить армией: принимал донесения, отдавал распоряжения,

¹ Ныне город Болеславец Республики Польша.

вел переписку с царем. Однако желаемого облегчения в болезни не наступало, и 22 апреля Кутузов пишет императору: «Я в отчаянии, что так долго хвораю и чувствую, ежедневно ослабеваю. Я никак не могу ехать дальше, даже в карете. Между тем надобно стараться сколько можно поспешнее сосредоточивать армии за Эльбою».

23 апреля Михаил Илларионович, сраженный недугом, уже не мог держать в руке перо. Именно в этот день и было отправлено в Петербург то письмо, «чужою рукою писанное» и оказавшееся последним в его жизни.

Болезнь Кутузова немало взволновала монархов. Александр I присылает к фельдмаршалу своего лейб-медика Якова Виллие. К Кутузову приезжает прусский король Фридрих Вильгельм, который также оставляет у него своего личного врача лейб-медика Гуфеланда.

У постели больного к тому времени уже находились прусский лейб-медик Вибель, местный доктор Вислиценус и врач А. Малахов.

И все же, несмотря на все усилия врачей, состояние больного ухудшалось. Кутузов с каждым днем терял силы, полностью парализовало правую руку. «В продолжение болезни, — писал адъютант полководца Скобелев, — светлейший князь, несмотря на слабость сил, час от часу оскудневавших, занимался со всей твердостью духа суждениями о делах воинских и не давал в сердце своем места унынию и страданиям, но нередко со слезами жаловался на болезнь, которая отнимает у него способы участвовать в славе предводимого им воинства. Сии жалобы были и в последние два дня, когда уже не приходил он более в память».

Поскольку болезнь главнокомандующего могла неблагоприятно отразиться на настроении в армии, тяжелое состояние Кутузова всячески скрывали. У дома, где находился фельдмаршал, выставили круглосуточный караул. Доступ к больному ограничили. Из этих же соображений и после смерти Кутузова некоторое время различные распоряжения шли в войска от имени главнокомандующего.

Вскоре о болезни полководца узнали жители Бунцлау. Они приносили солому и устилали ею улицу напротив дома, чтобы больного не беспокоил шум постоянно проходивших войск. Они же предлагали

докторам, и в частности Гуфеланду, сто тысяч талеров за исцеление фельдмаршала.

Однако положение больного было уже безнадежным.

Болезнь, определенная врачами как «нервическая горячка, осложненная паралитическими явлениями», чрезвычайно обострилась¹. «Врачи истощили все свое искусство, чтобы вырвать Кутузова из когтей смерти. Но истерзанный ранами, боями и походной жизнью, пораженный к тому же сильной простудой организм старого фельдмаршала был уже не в состоянии справиться с болезнью».

Вечером 28 апреля в Бунцлау разразилась первая весенняя гроза. Под раскаты грома и всполохи молний — как под артиллерийскую канонаду — великий русский полководец скончался. Старинный особняк в Бунцлау оказался его последним пристанищем.

На следующий день доктор Вислиценус произвел вскрытие и бальзамирование тела покойного. Он констатировал, что «сердце в нем оказалось удивительной величины... если бы светлейший князь не имел упомянутой выше сего внутренней болезни и перенес приключившуюся ему простуду, то он жил бы до ста лет с лишним».

В тот же день часть останков покойного (внутренние органы, вынутые при бальзамировании) была помещена в небольшой оловянный гробик, изготовленный бунцлауским оловянщиком Августом Иенке, и захоронена на кладбище в Бунцлау (в трех километрах от города, у деревни Тиллендорф). Сердце же, заспиртованное в металлическом сосуде, было поставлено в изголовье гроба усопшего. Позднее на месте захоронения ближайшие из окружения фельдмаршала адъютанты Дишконец, Ефимович, Златницкий, Кожухов, Липранди, Монтрезор, Панкратов, Скобелев и врач Малахов поставили скромный памятник, выполненный бунцлауским каменотесом Бемом-младшим. На античном цоколе — обломанная колонна, увенчанная лавровым венком. Основание колонны обвивает змея (символ вечности). На

¹ Позднее диагноз болезни Кутузова был определен как тяжелая форма полиневрита.

столбах ограды — надписи на старославянском и немецком языках: «Генерал Кутузов-Смоленский переселился из сей жизни в лучший мир 16 апреля 1813 года¹».

Устанавливая памятник, близкие Кутузову люди, конечно, не могли предположить, что уже летом того же года французские войска, вновь овладев Бунцлау, разрушат его и надругаются над захоронением. Лишь через год проезжавший через Бунцлау генерал Ф. В. Остен-Сакен и оказавшаяся здесь же старшая дочь Кутузова восстановили скромное оформление могилы полководца².

Главной квартире о смерти Кутузова стало известно 30 апреля 1813 года. В «Известиях о военных действиях» сообщалось: «... сего числа получено... известие о последовавшей апреля в 16 день в городе Бунцлау кончины генерал-фельдмаршала, Главнокомандующего всеми российскими и союзными армиями, бессмертного князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского, коего тело... отправлено в Санкт-Петербург, дабы было погребено со всеми высокому званию его и навеки незабываемым Отечеству оказанным заслугам подобающими почестями».

¹ Дата по старому стилю.

² Позднее, 17 июля 1819 года, на городской площади Бунцлау в торжественной обстановке состоялась закладка монумента «В память 16 апреля 1813 года здесь скончавшемуся, ранами покрытому российско-императорскому фельдмаршалу Кутузову-Смоленскому» (дата по старому стилю). 11 апреля 1821 года памятник был открыт. Взору собравшихся предстал двенадцатиметровый четырехгранный чугунный обелиск с лежащими у его подножия четыремя стерегущими львами. На памятнике две надписи. Первая: «Кутузов. Родился 5 сентября 1745 года, умер 16 апреля 1813 года» (даты по старому стилю). Вторая: «До сих мест довел князь Кутузов-Смоленский победоносные российские войска, но здесь положила смерть предел славным дням его. Он спас Отечество свое, он открыл путь к избавлению народов. Да будет благословенна память героя. Ему посвятил сей скромный памятник Фридрих Вильгельм III». Затем следует перечисление орденов, которыми был награжден Кутузов.

А через сто лет после смерти полководца на доме, где он скончался, была установлена мемориальная доска.

Долгое время слухам о смерти Кутузова не хотели верить, «каждый истинный сын отечества укреплял себя мыслью о том, что они ложны».

Официальное сообщение о кончине главнокомандующего Петербург получил 12 мая, 13 мая горькое известие дошло до семьи полководца. В печати же некролог появился 14 мая. Петербургские издательства, зная о сложных отношениях Кутузова с царским двором, в публикациях материалов проявили большую осторожность. Сообщение было помещено лишь в «Санкт-Петербургских ведомостях» да в «Северной почте». При этом редакции ограничились перепечаткой статьи, ранее помещенной в «Известиях о военных действиях». С сего момента весть о смерти Кутузова «с быстротой молнии распространилась по обширной территории Государства Российского». Великая скорбь охватила Россию. Особенно тяжелой утрата была для армии. «У Англии было кем заменить Нельсона, тогда как если мы и будем искать в России и во всей Европе человека, могущего заменить Кутузова, — мы такого не найдем», — вот мнение передовых людей русского офицерского корпуса.

Проявлением скорби простого люда было появление солдатской песни на смерть Кутузова:

*Печаль-тоска, горе лютое
От очей, как ночь, гонит белый свет,
Ах, не солнышко закатилось,
Не светел месяц тучей кроется, —
Как от нас ли, от солдатушек,
Отошел наш батюшка Кутузов-князь,
Не за горы за высокие —
Отошел он от нас в мать сыру землю.
Ах, не темный бор завыл-зашумел —
Разрыдалось, слезно всплескало
Войско русское, христианское.
Как не плакать нам, не кручиниться?
Нет отца у нас, нет Кутузова.*

9 мая 1813 года город Бунцлау провожал главнокомандующего русской армией и союзными войсками в последний путь. Впереди траурной

процессии несли флаги и кресты, за ними шло духовенство, далее — траурная колесница с гробом, за нею — свита полководца. Замыкал шествие оркестр, игравший печальную музыку.

Прах великого полководца торжественно провезли по Европе от Бунцлау до Петербурга. И всюду, стекаясь навстречу шествию, народ выражал истинную скорбь: траурный колокольный звон, воинские эскорты, ружейная и пушечная пальба, транспаранты со словами соболезнования... Жители русских городов несли гроб с телом Кутузова на своих плечах. «Народ несет его на плечах своих и не допускает иностранцев, которые также рвутся воздать сию последнюю почесть праху великого мужа», — писали очевидцы.

Утром 5 июня траурный кортеж был встречен родственниками и близкими друзьями покойного неподалеку от Петербурга в деревне Виконово. В тот же день с соблюдением торжественно-траурного ритуала процессия прибыла в Сергиеву пустынь — монастырь, что близ Стрельны, где была встречена духовенством, официальными представителями властей и огромным стечением народа. Сюда же прибыл от военного гарнизона «приличный почетный караул» и команда полиции «для порядку».

Победителя Наполеона, главнокомандующего русской армией и союзными войсками генерал-фельдмаршала Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского было решено похоронить в Казанском соборе. Причиной тому послужили несколько обстоятельств.

Прежде всего, Казанский собор (строительство которого было завершено в канун Отечественной войны), будучи тогда кафедральным, являлся одним из основных официальных идеологических центров. В период всенародной борьбы с врагом, потребовавшей огромного напряжения духовных сил нации, мобилизующая роль этого центра была велика. Значение собора возрос еще более, когда он превратился в пантеон русской военной славы, в средоточие трофеев Отечественной войны.

Не могла не учитываться и причастность Кутузова к строительству собора, а также то, что здесь в августе 1812 года, перед отъездом

его в действующую армию, был совершен важный по тем временам идеологический акт — торжественный молебен. Далее в ходе войны Кутузов отправляет настоятелю собора митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Амвросию сорок пудов русского серебра, отнятого у французов казаками атамана Платова, с просьбой «в украшение собора изваять из серебра лики четырех евангелистов».

Правда, просьба Кутузова в полной мере выполнена не была. Модели евангелистов, изготовленные скульптором Мартосом по эскизам Воронихина, были признаны обер-прокурором по духовной части князем А. Н. Голицыным и министром просвещения графом А. К. Разумовским «чрезмерно натуралистичными». Помещение их в храме могло якобы «пагубно отразиться на нравах верующих». Поэтому позднее из серебра, присланного Кутузовым, был изготовлен иконостас собора.

И еще один немаловажный момент, предопределивший столь неожиданное для мирян захоронение полководца в религиозной обители, а не в пантеоне выдающихся военных деятелей России, что в Александро-Невской лавре Санкт-Петербурга.

Дело в том, что, продолжая преследование врага, русская армия громила его на территории Польши, которая воевала против России вместе в наполеоновской Франции.

В 1813 году русские войска оказались перед городом Ченстохов, в католическом соборе которого пребывала известная святыня православия — икона Святой Ченстоховской Божией Матери, незаконно присвоенная католичеством. Русское православие вело длительную и безуспешную борьбу за возвращение сего раритета.

Овладев городом и крепостью Ченстохов, Кутузов реквизирует сию икону, направив ее в дар кафедральному собору русского православия. (Из сказанного следовало, что польская католическая церковь продолжала воздавать почести не подлиннику, а копии иконы.)

В июне 1813 года дорога из Петербурга в Стрельну была постоянно запружена великим множеством карет, верховых и пешего люда. Петербуржцы совершали паломничество в Сергиеву пустынь, где

в течение семнадцати суток перед гробом Кутузова, поставленным в ковчег¹, денно и нощно велась служба.

Тем временем в Петербурге заканчивались последние приготовления к встрече «гроба спасителя Отечества». Для организации похорон была создана комиссия во главе с князем А. Н. Голицыным. Оформление внутреннего убранства Казанского собора осуществлялось Воронихиным. Синод совместно с императорским церемониймейстером тщательно продумал ритуал погребения. Расходы на похороны 79 061 рубль 61 копейку брала на себя казна.

Утро 23 июня 1813 года выдалось в Петербурге теплым и безоблачным. К полудню улицы и площади города, на всем пути следования траурной процессии — от реки Таракановки до Нарвских ворот, далее через Калинкин мост по Садовой улице до Никольского собора, через Театральную площадь по Большой Морской и Невскому проспекту — были заполнены народом. Утром того же дня гроб с телом Кутузова был вынесен из собора Сергиевой пустыни и установлен под балдахином на колеснице, запряженной шестью лошадьми, покрытыми траурными попонами.

На границе города (у Каменного моста через реку Таракановку) колесницу встретили духовенство, родственники, официальные лица и множество народу. Здесь же находились боевые соратники полководца во главе с генералом от кавалерии А. П. Тормасовым. (С Александром Петровичем Тормасовым жизнь часто сводила Кутузова. Они были соратниками в русско-турецкой войне и в польском походе.) Теперь бывший командующий 3-й Западной армией (один из претендентов на пост главнокомандующего русской армией) провожал в последний путь своего боевого друга.

В ожидании гроба с телом Кутузова стояла в порядке, определенном ритуалом, траурная процессия.

Впереди конный отряд. За ним домоправитель полководца в траурном платье с черным шарфом через плечо. Затем десять лакеев

¹ Ковчег (в православной церкви) — ларец для хранения реликвий и мощей.

в черных кафтанах с аксельбантами и гербами. За ними шесть офицеров в траурных кафтанах и берейтор в траурном же одеянии верхом на коне. Далее денщики с траурным флером на шляпах и рукавах держали под уздцы трех верховых лошадей, покрытых черными попонами с нашитыми на них фамильными гербами. Снова верховой берейтор, но в цветном платье; за ним денщики (без траура) держали трех верховых лошадей под цветными попонами с фамильными гербами. Опять же берейтор верхом, а также два скорохода и двое верховых — все в траурном одеянии с аксельбантами. За ними траурная карета, заложная шестью лошадьми, которая везла гербы, за каретой верховой берейтор в цветном платье, за коим денщики (без траура) с тремя богато убранными верховыми лошадьми, которых они держали под уздцы, затем церемониймейстер, за ним на руках несли изображения гербов дворянского, графского и княжеского достоинства. Далее — санкт-петербургское купечество, представители ополчения, дворянство Санкт-Петербурга и губернии. Снова церемониймейстер. За ним на бархатных подушках ордена: прусские — Красного орла и Черного орла; австрийский — Марии-Терезии; российские (различных степеней) Святого Иоанна Иерусалимского, Святой Анны, Святого Владимира, Святого Георгия, Святого Александра Невского, Святого Андрея Первозванного. За орденами — еще один церемониймейстер, за ним певчие и духовенство. По сторонам — восемьдесят монахов в черных епанчах и шляпах с распущенным флером, в руках — горящие факелы. Наконец — «печальная колесница» под черным балдахином, заложная шестью лошадьми под черными попонами с фамильными гербами. Лошадей под уздцы держали шесть человек в черном одеянии. Шнуры балдахина поддерживали четыре штаб-офицера из свиты Кутузова, а гроб за скобы — четыре его адъютанта. Еще четыре штаб-офицера стояли в готовности поддерживать концы покрывала над гробом. По сторонам колесницы — четыре фельдъегеря. За колесницей пешком шли близкие родственники, друзья и войска, по «уставу положенные». Завершала шествие конная команда.

По прибытии траурного катафалка гроб перенесли на колесницу — и процессия торжественно тронулась в путь.

Однако в скором времени, к неопишуемому удивлению устроителей, столь тщательно продуманный церемониал был основательно нарушен. Нахлынувший со всех сторон народ, несмотря на сопротивление, уговоры и даже угрозы, смял эскорт, насильно выпряг из колесницы лошадей и повез прах полководца на своих плечах. «Нужно было видеть, сколько стеклось народа из города и окрестностей; нужно было видеть, как этот добрый народ не позволил, несмотря на настояния, просьбы и даже приказания властей, чтобы дорогие останки тащили лошади. В двух верстах от города лошадей распрягли, и было много добрых и благочестивых граждан, которые пожелали везти на своих плечах драгоценный прах спасителя отечества к месту грустного назначения. Некоторые при сем заливались слезами, восклицали: „Ах ты батюшка ты наш! Защитник ты наш! Мы тебя доведем хоть на край света!“» В таком виде траурная процессия, осыпаемая цветами, со скорбными возгласами проследовала по городу. Войска, расположенные по всему маршруту следования, отдав со своей стороны «приличные воинские почести», повзводно церемониальным маршем сопровождали кортеж. Траурный колокольный звон, печальная музыка и голоса певчих плыли над шествием.

Перед Казанским собором гроб сняли с траурной колесницы, внесли в собор и поставили на катафалк, сооруженный по проекту А. Н. Воронихина.

В центре собора была воздвигнута огромная арка. В середине на возвышении — помост для гроба. К помосту вели лестничные марши с площадками. По сторонам были размещены знамена — трофеи полководца. Они образовывали балдахин. Тут же стояли огромные канделябры, оформленные в виде вертикально поставленных пушек, с множеством свечей вокруг них. На ступенях и площадках стояли в последнем почетном карауле боевые соратники полководца.

В течение 23 и 24 июня множество петербуржцев и приезжих из разных мест нескончаемым потоком шли в Казанский собор.

В пятницу, 25 июня, здесь же собрались видные военные и гражданские чины, родственники и близкие покойного, духовенство и представители разных сословий. Невский и улицы, прилегающие

к собору, снова были запружены «великим множеством народа». После церковной литургии и надгробного слова ректора Санкт-Петербургской духовной академии архиепископа Филарета гроб с телом Кутузова, в котором находился и сосуд с сердцем, был снят с катафалка и опущен в могилу, расположенную в здании собора.

В момент захоронения Кутузова над Петербургом плыл траурный звон колоколов. Войска, стоявшие в почетном карауле, дали трехкратный орудийный и ружейный салют. Могила была покрыта в уровень пола мраморной плитой. Затем окружена четырехугольной металлической решеткой с золочеными венками и касками на двух угловых столбах и с бронзовым золоченым фамильным гербом посередине. На стене помещена черная мраморная доска в золоченой бронзовой рамке. Надпись на мраморе гласила: «Князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский. Родился в 1745-м годе. Скончался в 1813-м в городе Бунцлау».

Под надписью — бронзовый золоченый щит с гербом. Над мраморной доской — бронзовый золоченый орел, держащий в клюве венок.

На стене и вокруг могилы — военные трофеи полководца: сто семь французских, итальянских, польских, немецких и персидских знамен и штандартов; три французских и два итальянских «военных значка», а также ключи от крепостей Кенигсгафен, Ченстохов, Торн, Замостье, Модлин, Авен, Штуденберг, Бред и от семнадцати городов: Аахена, Бремена, Брюсселя, Варшавы, Гамбурга, Данцига, Дрездена, Касселя, Кельна, Лейпцига, Любека, Марсея, Монса, Намюра, Нанси, Реймса и Утрехта. Здесь же находился маршальский жезл Даву, захваченный русскими войсками вместе с канцелярией и личной перепиской французского полководца.

Долго Петербург пребывал в оцепенении. Впечатление от похорон осталось неизгладимым в памяти многих его жителей. На смерть Кутузова писались стихи и слагались оды. Академик живописи М. Н. Воробьев посвятил этому событию одну из своих гравюр, запечатлев момент, когда колесница с телом Кутузова направлялась к Казанскому собору. И преподнес гравюру вдове фельдмаршала Екатерине Ильиничне, препроводив ее словами:

*Любовь народная твой гроб сопровождает,
Прими от нас еще сию посильну дань.
Пусть рвенье в нас к делам великим возбуждает
Твой гроб, и пусть твой дух преводит нас на брань.*

Ей же композитор Джоакино Антонио Россини посвятил позднее одну из своих лучших кантат — «Аврора». Музыка этой кантаты композитор использовал также в финале оперы «Севильский цирюльник».

Русский народ потерял талантливого полководца, искусного дипломата, выдающегося политического деятеля и великого патриота.

Позднее Александр Сергеевич Пушкин, посетив могилу Кутузова, в стихотворении «Перед гробницею святой» напишет:

*В твоём гробу восторг живет!
Он русский глас нам издаёт:
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал — и спас.*

Давно отгремели пушки Отечественной войны 1812 года. Мир неузнаваемо изменился за этот срок. Однако события минувшей войны до сих пор живы в памяти народа.

И как бы предвидя это, Михаил Илларионович Кутузов, обращаясь к воинам, говорил: «Подвиг ваш не будет забыт потомством. Вы кровью своей спасли Отечество».

Стоит и поныне в Санкт-Петербурге великолепное творение зодчего Воронихина — Казанский собор. Раскинув свою колоннаду — полуобъятие к Невскому проспекту — он как бы призывает прохожих почтить память великого подвига русского народа и его выдающихся военных предводителей.

